

УДК 316.334.005

ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

В. Ф. БЕРКОВ¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Показано, что принцип деятельности может выступать в качестве логико-методологической основы управления социальными процессами. Содержание этого принципа определяется соотношением категорий цели, средства и результата. На социальном уровне они находят свое продолжение и конкретизацию во множестве понятий, среди которых главная роль принадлежит понятию интереса.

Ключевые слова: управление; социальное управление; принцип деятельности; цель; средство; результат; достаточность средств; необходимость средств; интерес; логика принципа деятельности.

PRINCIPLE OF ACTIVITY AS A LOGICAL AND METHODOLOGICAL BASIS FOR SOCIAL PROCESSES MANAGEMENT

V. F. BERKOV^a

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

It is shown that the principle of activity can be a logical and methodological basis for social processes management. The content of this principle is determined by the relationship of goal, means and result. At the social level, they find their continuation and concretization in a variety of concepts, where the main role belongs to the notion of interest.

Key words: management; social management; the principle of activity; goal; means; result; sufficiency of means; necessity of means; interest; logic of the principle of activity.

Каждая наука есть постольку прикладная логика, поскольку она состоит в том, чтобы облекать свой предмет в формы мысли и понятия.

Г. В. Ф. Гегель

Переход на стадию информационного общества актуализирует выявление и осмысление оснований управленческого воздействия. Нередко решение насущных вопросов управления видится лишь в изучении и распространении удачного управленческого опыта. Этот путь, будучи наполнен исключительно эмпирическим содержанием, дает практически ценные результаты, он даже необходим, однако не достаточен. Познание сущности процес-

сов управления требует дополнения эмпирических исследований теоретическими и философскими обобщениями.

В данной статье ставится задача показать, что принцип деятельности может служить логико-методологической основой управления социальными процессами.

В научной литературе термин «управление» употребляется в широком и узком смысле. В широком

Образец цитирования:

Берков ВФ. Принцип деятельности как логико-методологическая основа управления социальными процессами. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018;4:48–56.

For citation:

Berkov VF. Principle of activity as a logical and methodological basis for social processes management. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:48–56. Russian.

Автор:

Владимир Федотович Берков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии университетского образования.

Author:

Vladimir F. Berkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of university education.
vlad-berkov@yandex.ru

смысле он обозначает функцию организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), которая обеспечивает сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ и целей. В содержание понятия управления при этом включаются процессы самоорганизации и саморегуляции, где управление является необходимым внутренним свойством системы. Примерами управления данного рода выступают рыночные процессы в условиях домонополистической стадии капитализма, поддержание температуры тела живого организма, системы автоматического регулирования в технике. Употребление термина «управление» в широком смысле в конечном счете привело к его включению в арсенал философско-методологических категорий.

В узком смысле данный термин применяется лишь по отношению к сознательным процессам управления, означающим воздействие на различные системы в целях их упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования, развития. Здесь управление оказывается внешним по отношению к системе фактором, который, однако, существенно влияет на ее состояние и поведение. В таком понимании управление предполагает наличие двух систем – управляющей и управляемой. Планирование, организация, регулирование, контролирование происходящих в системе процессов – важнейшие функции управляющей системы. Без их выполнения нельзя управлять движущимся автомобилем; космическим кораблем, выводимым на заданную орбиту для ее стыковки с орбитальной станцией; фирмой, вступающей в конкурентную борьбу за овладение рынком сбыта.

Социальное управление – особый, наиболее сложный вид управления в узком смысле этого термина. Оно представляет собой воздействие на общественные системы. Поскольку форма существования общественной системы – деятельность, то управлять общественной системой – значит осуществлять деятельность над актами деятельности общественной системы. Стало быть, в социальном управлении следует различать прежде всего два уровня – деятельность и метадеятельность (от греч. *meta* – после, за, между).

Под *деятельностью* будем понимать особого рода действительность, основное свойство которой – целенаправленное изменение и преобразование внешнего мира в интересах людей. В процессе деятельности человек (субъект) противостоит объективному миру (объекту) и его фрагменту (предмету) как материалу, из которого непосредственно получается необходимый человеку продукт.

Типы деятельности весьма многообразны. Прежде всего различают практическую и духовную

деятельность. *Практическая деятельность* (практика) – это материальное, чувственно-предметное освоение и преобразование природы или общества. *Духовная деятельность* связана с освоением и преобразованием внешнего мира лишь в сознании человека. Духовную деятельность можно понять только на основе анализа практики, через рассмотрение ее, с одной стороны, как продолжения и результата развития практической деятельности, с другой стороны, – как важнейший регулятор (не всегда надежный) осуществления последней.

В зависимости от доминанты внутренней жизни людей могут быть выделены различные типы духовной деятельности: моральная (акцентирование идеи добра и чувства милосердия), религиозная (вера в идею Бога и чувство смирения), эстетическая (ориентация на идею красоты и эстетический вкус), сциентическая (установка на идею истины и чувство реальности), гуманистическая (признание идеи человека как высшей ценности и чувство содействия), наконец, управленческая деятельность (постановка задач, проблем, разработка программ, принятие решений). Антиподы духовности (как результата духовной деятельности) – нигилизм и цинизм, невежество, отсутствие идеалов, агрессивное поведение, ненависть, нетерпимость и т. д.

Разнообразны типы практической деятельности: производство (процесс создания материальных благ), социальные преобразования (в том числе в сфере управления), идейно-воспитательная работа, опытно-экспериментальная деятельность (в науке) и пр.

Абстрагирование и обобщение самых разнообразных, многократно повторяющихся «фигур» деятельности привело к становлению и принятию *принципа* (от лат. *principium* – основа, первоначало) *деятельности*. Это уже не только продукт отображения внешнего мира, но и предпосылка его дальнейшего исследования и преобразования. Оговоримся: принцип деятельности не является универсальным средством познания, существует ряд других путей усвоения и применения общественного опыта, частично или полностью основанных на подражании (моделирование, действия по образцам, «обучение на ошибках» и пр.).

Отношение деятельности как части объективного мира к своему целому, т. е. к противостоящим ей природе и обществу, является коренным философским вопросом, на котором зиждется основная гносеологическая проблематика. В марксизме (диалектическом материализме) она занимает центральное место. В теории познания марксизма подчеркивается объективная обусловленность человеческой деятельности. Доказывается, что объективные потребности есть в конечном счете идеальный, внутренне побуждающий ее мотив [1, с. 717].

Любая человеческая деятельность находит свое непосредственное выражение в языке. Для описания названных уровней пригодны логические понятия предметного языка и метаязыка. *Предметный язык* – это язык, выражения которого относятся к некоторой области объектов, их свойств и отношений. Например, предметный язык арифметики соотносится с числами и их свойствами, описывает операции сложения, вычитания и пр.; предметный язык классической механики сообщает нечто о механическом движении макротел, взаимодействиях между ними.

Метаязык служит средством описания и исследования свойств предметного языка. В метаязыке формулируются правила построения его выражений, законы их взаимоотношений. К метаязыку обычно предъявляются особые требования: 1) он должен включать в себя предметный язык как свою часть (в том смысле, что выражения предметного языка должны быть переводимы на метаязык, т. е. выражения метаязыка – имена соответствующих выражений предметного языка); 2) в числе выражений метаязыка должны иметься выражения более высоких типов, чем выражения предметного языка. Иначе говоря, чтобы в метаязыке можно было проводить рассуждения о строении выражений предметного языка и его свойствах, метаязык должен быть более богатым по своим выразительным и аналитическим возможностям, чем предметный язык.

Деятельность управляющей системы, как мета-деятельность, выражается в метаязыке, в то время как деятельность управляемой системы – в предметном языке. Поэтому деятельность управляющей системы всегда богаче по своему содержанию, чем деятельность управляемой системы. В частности, С. Н. Князев обращает внимание на то обстоятельство, что «их отношения имеют сознательно-волевое опосредствование. Воля управляющих приоритетна по отношению к воле управляемых. Отсюда властность социального управления, означающая, что субъект управления формирует и реализует “господствующую волю”, а объект подчиняется ей» [2, с. 11]. Вместе с тем наряду с такими функциями, как планирование, организация, регулирование и контроль, социальному управлению принадлежит также функция мотивации, т. е. побуждения себя и других к деятельности ради достижения поставленных целей.

Принцип деятельности невозможно представить без повышенных требований к субъекту социального управления (т. е. к управляющей системе) в плане его специальной, теоретической, общекультурной подготовки, особенно с учетом того, что здесь управляемые системы, или объекты управления, – это, как правило, сложные развивающиеся системы.

В марксизме принцип деятельности трактуется как фундаментальная характеристика человеческого бытия, а потому является исходным пунктом любого исследования человека и общества. Социальная теория, игнорирующая этот принцип, часто скатывается к произвольным умозрительным конструкциям.

В советской «официальной» философской литературе принципу деятельности явно не повезло. Вместе со своим понятийно-терминологическим аппаратом он оказался фактически исключенным из сферы научных исследований, что в конечном счете не могло не сказаться отрицательно на их теоретическом уровне, как и на положении дел в образовании, издательской сфере. Например, этому принципу не нашлось места в «Философской энциклопедии» (1960–1970), он исчез из виду в объемистой книге А. П. Шептулина «Система категорий диалектики» (1967) и даже не был упомянут в учебниках В. Ф. Константинова (руководитель авторского коллектива; 6-е изд.; 1982), А. Г. Спиркина (1988), В. П. Кохановского (ответственный редактор; 1989) и др.

Однако нельзя не отметить, что во второй половине 1950-х гг. положение стало существенно меняться, наметилась тенденция, альтернативная «официальным» установкам. Под воздействием опубликованных тогда на русском языке ранних рукописей К. Маркса были предприняты попытки переосмысления философского наследия марксизма. Исследования сместились в сторону постановки и творческой разработки проблем человека, гуманизма, отчуждения, диалектики абстрактного и конкретного, логического и исторического, анализа и синтеза. В прорывных работах Г. П. Щедровицкого, В. С. Стёпина, И. С. Алексеева, Э. Г. Юдина, В. С. Швырева, В. М. Межуева и других ученых доказывается, что проблема происхождения теоретического знания, принципы и способы его построения могут быть осознаны только с позиций заложенной Марксом фундаментальной идеи о деятельности-практической природе познавательного процесса. В литературе актуализируется вопрос о создании К. Марксом нового типа онтологии, в центре которой – учение о мире не как об объекте познания, а как о результате «субъективной» практической деятельности людей. Например, В. М. Межуев писал: «...его (К. Маркса. – В. Б.) материализм... практический: вся материальная действительность приравнивается здесь не к природе, а к человеческой практике, отождествляется с практикой» [3, с. 286]. Действительность, пока она не освоена практически, есть «открытый вопрос» [4, с. 43], и опережение практики познанием может носить лишь гипотетический или проблематический характер.

Была проделана большая исследовательская работа по разработке фундаментального тезиса

о том, что знание «в форме объекта» является производным, вторичным, выводным по отношению к знанию о предмете как «сгустку» (К. Маркс) человеческого труда, к знанию «в форме деятельности». Подобно тому как объективные характеристики всякой человеческой деятельности опредмечиваются и «угасают» в свойствах ее продуктов, знание «в форме деятельности» опредмечивается и кристаллизуется в знании «в форме объекта». Представляя собой результат познания, знание «в форме объекта» трактуется не только «старым», но и нынешним созерцательным материализмом как внутренне присущее предмету без какого бы то ни было отношения к породившей его практической деятельности. Однако такая установка созерцательного материализма на «субстанциализацию» отдельных вещей является познавательно ограниченной и потому лишь по видимости объективной.

Фактически к середине XX в. относятся попытки некоторых зарубежных авторов дать свою интерпретацию работ К. Маркса, особенно ранних. Многие из них объединились вокруг издававшегося в Югославии международного журнала «Праксис». Главная идея, разрабатываемая праксистами, состояла в утверждении, согласно которому практика (праксис – в их понимании) есть основная категория философии, все же остальные производны от нее.

Это здравый подход. Но вопрос состоит в том, как, какими средствами, ради чего и на основе какой системы ценностей он реализуется. Главный порок праксистов заключается в том, что они, в отличие от советских «деятельностников», отошли от тезиса, гласящего, что практика основана на закономерностях объективной действительности, которые люди используют в своих интересах. У них праксис – вариант опыта субъективно-идеалистических концепций с присущим ему произволом и обманчивой беспристрастностью. Как итог – несостоятельность претензий на «аутентичное» выражение идей К. Маркса.

Возвращаясь к теории социальной управленческой деятельности, ее практическому применению, обратим внимание на ограниченность определения термина «управление», данного в начале статьи (*действительность, основное свойство которой – целенаправленное изменение и преобразование внешнего мира в интересах людей*). Оно, как и любое определение вообще, фиксирует лишь общее содержание исследуемого феномена. Полное его содержание включает в себя, кроме основных, ряд производных характеристик [5, с. 122]. В соответствии с задачами статьи сконцентрируемся на логических аспектах проблемы.

Логическое содержание принципа деятельности разворачивается прежде всего в категориях цели, средства и результата. Их соотношение имеет

объективные основания. В свое время об этом интересно и убедительно писал Н. Н. Трубников – один из первых авторов, посвятивших свои исследования феномену человеческой деятельности: «Отношение цели, средства и результата включает отношение причины и действия, характеризующее стихийный процесс природы, в принципиально иную категориальную структуру, в которой реальному отношению вещей оказывается противопоставленным их проект в виде их логически всеобщего, а потому в значительной мере абстрактного аналога. При этом в роли так называемых причин здесь выступают средства реализации, более или менее соответствующие поставленной цели. Действие же приобретает форму идеально положенного в виде цели результата, воспроизводя содержание самой деятельности и ее средств» [6, с. 461]. При этом термин «цель» понимается в его самом распространенном смысле – как идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности. Результат (продукт) – то, что получено в завершение какой-то деятельности и может использоваться для непосредственного потребления или служить предпосылкой другой деятельности. Проектирование и постановка целей, стремление к результату – специфическое качество человека, его исключительное достояние.

Критерием реальности и определенности цели является ее отношение к средствам, т. е. к вещам, материальным условиям, завоеваниям человеческой культуры, которые используются в том или ином случае. Подобно тому как причина вызывает некоторое действие и следствие, средство обуславливает идеально положенный в виде цели результат, предопределяет и ограничивает ее. Средства, таким образом, – важнейший критерий отбора целей. Последние находят в средствах свою «земную» основу.

Однако отношение цели и средства нельзя сводить к простой причинно-следственной связи. Дело осложняется тем, что, однажды возникнув, цель сама становится основой деятельности, как закон определяет способ и характер действий.

Формирование и достижение цели зависит не только от средств. Многое определяется предметом, преобразуемым с помощью средств и отражаемым в содержании цели. Цель может оказаться беспредметной, если присутствующий в ней образ желаемого предмета – фикция, вымысел, ничего общего не имеющий с объективным положением дел. Естественно, такая цель принципиально недостижима, направляемая ею деятельность с необходимостью вступает в противоречие с законами развития природы или общества. Например, неоднократно репродуцированная в истории техники идея создания вечного двигателя – непрерывно действующей машины, которая, будучи однажды

запущенной, совершала бы работу без получения энергии извне, – противоречит закону сохранения энергии и потому неосуществима.

В научно-исследовательской сфере, художественном творчестве, воспитательной работе предмет предстает изначально в неполном и недостаточно оформленном виде, что сказывается на содержании цели, которая также расплывчата, неоднозначна и существует лишь в виде первичного замысла. Становление предмета и соответствующей ему цели происходит на протяжении данной деятельности, в ходе смены, конкретизации, решения целого ряда иерархически упорядоченных промежуточных задач.

Предмет и средство нередко выступают в их единстве – как служащие достижению поставленной цели *совместно*. Отсюда понимание средства в широком смысле этого слова. Для крестьянина, обрабатывающего поле (предмет) на тракторе (средство в узком смысле), чтобы в конечном счете получить высокий урожай (цель), его трактор и поле не иначе как определенное средство (в широком смысле).

Очевидно, средства в широком смысле слова – это все то, что принято называть ресурсами, вместе с людьми, которые их используют. В марксизме – это производительные силы общества. В дальнейшем мы будем употреблять термин «средство» чаще всего именно в этом, широком, смысле.

Логику деятельности как форму взаимодействия цели, средств и результата можно детализировать, обогатив, например, понятиями, характеризующими названное взаимодействие с точки зрения достаточности и необходимости средств. Последние могут оказаться:

- а) достаточными и необходимыми для достижения цели;
- б) достаточными, но ненеобходимыми;
- в) недостаточными, но необходимыми;
- г) недостаточными и ненеобходимыми.

При этом под *достаточным* подразумевается средство, наличие которого гарантирует достижение поставленной цели, а под *необходимым* – средство, отсутствие которого препятствует ее достижению. В классической логике при истинности высказывания вида «Если *A*, то *B*» истинное *A* есть достаточное условие истинности *B*, в то время как истинность *B* есть необходимое условие истинности *A*.

Логическую форму управленческой деятельности, фиксирующую наличие достаточных средств для достижения цели, правомерно называть *управленческой задачей*, в то время как отсутствие хотя бы некоторых из них – *управленческой проблемой*. Если средства *достаточны и необходимы* для достижения цели, то мы имеем дело с хорошо сформулированной задачей. Здесь цель оптимально детер-

минирована наличными средствами (в широком смысле). Она уже неявно содержится в средствах и может быть получена из них дедуктивным путем. Исходные данные проектируют единственный путь деятельности, ведущий к надежно обоснованному решению (и результату).

Если средства *достаточны, но ненеобходимы*, то управленческая задача приобретает избыточный характер. Избыточность означает превышение объема информации или сложности структур задачи по сравнению с минимальными значениями, которые необходимы для ее решения (т. е. для достижения цели).

Существует несколько разновидностей избыточности. Во-первых, это «шум», т. е. информация, независимая от достаточных и необходимых средств (нерелевантная, случайная); во-вторых, информация, зависящая от данных средств (релевантная). Нерелевантная информация особенно характерна для начального этапа работы над разрешением задачи. Составной частью нерелевантной информации могут выступать, например, истинные, но не относящиеся к делу факты, ошибки в расчетах и выводах, излишние подробности, стилистические погрешности в формулировках и т. д. Фиксация наиболее существенных элементов в условиях задачи позволяет отсеять нерелевантную информацию и таким образом упростить, оптимизировать задачу. Хорошими моделями задач этого рода являются многие загадки и головоломки, которые составляются так, что в условия вводятся элементы, способные замаскировать правильные ходы к нахождению разумных решений.

Релевантная информация может быть представлена следствиями из некоторой информации, выражениями метаинформационного характера и т. д. Их устранение из непосредственной формулировки задачи вовсе не означает, что они вредны или бесполезны. Благодаря такой избыточности нередко обеспечивается лучшее восприятие, более полное понимание или функциональное назначение основной информации. Но нередко релевантная избыточность выполняет и более важную функцию, выступая в качестве дополнительных страхующих структур, которые обеспечивают гарантированную эффективность, надежность и достаточность в работе системы. Иллюстрацией такой избыточности может служить наличие государственного и частного секторов в современном обществе, создающее условия для решения социальных вопросов. Современные атомные реакторы имеют несколько дублирующих систем безопасности, призванных предотвращать возможность неконтролируемого выброса радиоактивных материалов.

При *недостаточности необходимых средств* субъект управления оказывается как бы на распутье,

он колеблется между несколькими альтернативными путями решения. Каждый из них представляет собой версию, подлежащую дальнейшей разработке. Все они обладают признаком сравнимости, поскольку имеют общую основу, общие предпосылки своего происхождения и не обязательно взаимоисключают и взаимодополняют друг друга в составе некоторого конечного множества суждений (т. е. они описываются с помощью слабой дизъюнкции).

Альтернатива имеет двоякую направленность: с одной стороны, она соотносится с целью; с другой – является элементом научного прогноза, опирающегося на некое наличное бытие. Цель в данном случае реальна, поскольку через альтернативы связывается с действительностью. Следовательно, управленческая проблема имеет не только субъективные, но и объективные основания.

В практике разрешения проблем обычно бывает так, что *недостаточность средств сочетается с их избыточностью*. Проблема приобретает диффузный (слабоструктурированный) характер. При подготовке управленческих решений такие ситуации являются скорее правилом, чем исключением. Естественно, диффузность затрудняет выделение альтернатив, а иногда уводит субъекта, формирующего программу, в сторону от возможных путей ее нахождения. В такого рода случаях результат может носить неожиданный, побочный характер, по своей сути не детерминированный поставленной

целью и потому расходящийся с нею. Стремясь к цели, действующий субъект, образно говоря, «не ведает, что творит». Подобного рода результаты древние греки называли поризмами. Исследователи склоняются к мысли о том, что случайных открытий и изобретений было не меньше, чем запланированных.

Частный случай диффузных управленческих проблем – мнимые проблемы. Их неперенная черта – *противоречивость* используемых средств (внутренняя или внешняя). Управленческая практика знает немало примеров такого рода. Многие социальные проекты остались неосуществленными не столько из-за их необеспеченности средствами, сколько по причинам расхождения с тенденциями общественного развития.

Представляется, что любая система управления может быть исследована под углом характеристик, обозначенных приведенными выше вариантами. При этом нужно акцентировать то обстоятельство, что в сфере *социального управления* эти варианты работают на двух уровнях – предметно-языковом и метаязыковом. В развернутом виде взаимодействие этих уровней отображено в таблице (для лучшего восприятия в ней термины «достаточно», «недостаточно», «необходимо», «ненеобходимо» обозначены буквами Д, НД, Н, НН соответственно – для предметно-языковой, или управляемой, системы; Д¹, НД¹, Н¹, НН¹ – для метаязыковой, или управляющей, системы).

Варианты соотнесения средств предметно-языковой (управляемой) и метаязыковой (управляющей) систем управления

Options for correlating the means of subject-language (managed) and metalinguistic (managing) control systems

№ п/п	Характеристики средств предметно-языковой (управляемой) системы	Характеристики средств метаязыковой (управляющей) системы
1	Д и Н	Д ¹ и Н ¹
2	Д и НН	Д ¹ и Н ¹
3	Д и Н	Д ¹ и НН ¹
4	Д и НН	Д ¹ и НН ¹
5	Д и Н	НД ¹ и Н ¹
6	Д и НН	НД ¹ и Н ¹
7	Д и Н	НД ¹ и НН ¹
8	Д и НН	НД ¹ и НН ¹
9	НД и Н	Д ¹ и Н ¹
10	НД и НН	Д ¹ и Н ¹
11	НД и Н	Д ¹ и НН ¹
12	НД и НН	Д ¹ и НН ¹
13	НД и Н	НД ¹ и Н ¹
14	НД и НН	НД ¹ и Н ¹
15	НД и Н	НД ¹ и НН ¹
16	НД и НН	НД ¹ и НН ¹

Средства, соотношение которых описывается 1-й строкой таблицы, наиболее оптимальны и при прочих равных условиях обеспечивают бесспорный успех в достижении поставленной цели. В то же время 16-я строка обозначает ситуацию, явно свидетельствующую о беспомощности управляющей системы. Интересны и остальные ситуации (но они требуют дополнительной работы по их интерпретации).

Признаки и отношения, фиксируемые в таблице, присущи не только социальному управлению, они являются родовыми по отношению к нему. Характерная, видовая черта социального управления – его непосредственные связи с идеологическими установками, мотивационная зависимость от них. Они, согласно распространенной в литературе дефиниции, выражают коренные интересы больших общественных групп (народов, классов, обществ, социальных движений) и включают в себя ориентации правового, политического, этического, эстетического, религиозного, философского или иного характера. Не всегда эти связи играют положительную роль. Яркий пример – негативное идеологическое воздействие на управление нынешними научно-исследовательскими и образовательными процессами в сфере общественных наук.

Начиная с 1990-х гг. в общественном сознании возрождаются ориентиры, претендующие на «внесубъектные» описания внешнего мира, порождающие надежду на подлинное его познание в как бы естественном состоянии данного объекта. В социологии, экономической теории, политологии, исторической науке происходит «сдвиг» управленческого вектора к их эмпирическому содержанию. При этом едва ли не главным авторитетом в области методологии становится английский философ, логик и социолог К. Поппер, акцентирующий, по сути, позитивистский подход к познанию и прогнозированию общественных процессов. Он настаивал: «Можно с полной уверенностью сказать, что эмпиризм в той или иной форме, пусть даже умеренной и видоизмененной, есть единственная интерпретация научного метода, которую в наши дни можно воспринимать всерьез» [7, с. 534]. Диалектику К. Поппер расценил как бессмыслицу, пустой жаргон, и, по его убеждению, «новым поколениям следует помочь в деле освобождения от этого интеллектуального мошенничества, пожалуй, самого крупного в истории нашей цивилизации и ее борьбы со своими врагами» [8, с. 95].

Главная причина отмеченного «сдвига» к эмпиризму, декатегоризации и сциентистскому позитивизму заключается в глубоком структурном кризисе, в который попало наше жизнеустройство и из которого оно не может выйти до настоящего времени. Пораженными оказались не только экономическая и социальная, но и мировоззренческая сфера. В соответствии с природой и требованиями

ми социальной среды на задний план отодвинуты нормы и навыки рационального мышления, даны широкие возможности для распространения самых реакционных идей, поощряются наиболее примитивные представления о развитии общества.

Но нечто подобное в прошлом уже было. Характерный пример – ситуация, сложившаяся в буржуазной политической экономии в середине XIX в. Как только буржуазия завоевала политическую власть, по словам К. Маркса, «пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [9, с. 17].

Аналогичная метаморфоза ожидает науку всякий раз, когда наблюдается стремление к точке зрения, которая диктуется не самой наукой как средством достижения объективной истины, а лишь внешними по отношению к ней, своекорыстными групповыми, нередко классовыми, интересами. Вполне подходящим для таких случаев оказывается методологический инструментарий давно изжившего себя позитивизма с его установками на описательность, поверхностность обобщающих характеристик, эклектичность исследовательских подходов, игнорирование ценностно-методологических ориентиров и т. д. В то же время осуждаются или даже явно оскверняются попытки расстаться с «ползучим» эмпиризмом и перейти на высокий язык деятельности-практической философии с использованием ее понятийно-терминологического аппарата, ядро которого составляют категории цели, средства и результата.

На уровне социологии (науки о закономерностях развития и функционирования социальных систем) отношение этих категорий воплощается прежде всего в понятии *интереса*, который, в отличие от потребностей, ценностных ориентаций и прочих форм общественной жизни, выступает в качестве *реальной и непосредственной* причины социальных действий [10]. Ни одно социальное действие не может быть понято без выяснения интересов, породивших это действие, и, как писал В. И. Ленин, «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [11, с. 47].

В марксизме категория интереса – краеугольный камень логики познания социальных процессов. Во многих исторических произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса («Крестьянская война

в Германии», «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и др.) ее методологическое значение раскрыто и продемонстрировано со всей полнотой и отчетливостью. Показательно в этом отношении освещение К. Марксом ситуации, сложившейся во Франции в революционный период с 1848 по 1850 г. Казалось бы, в соответствии с методологическими установками материалистического понимания закономерностей исторического процесса следовало начинать анализ с экономического положения Франции в этот период. Однако Маркс идет иным путем, теоретически осваивая прежде всего отношения между партиями во французском парламенте и характеризуя общественные группы, представленные в этом законодательном органе, – мелкую буржуазию с ее колебаниями, утопическими стремлениями возвыситься над классовыми противоречиями; крестьянство с его внутренним расслоением и господством в его среде реакционных предрассудков, укрепляемых целенаправленной идеологической обработкой; крупную буржуазию с ее контрреволюционными антиреспубликанскими настроениями; соперничающие монархические течения. Впоследствии Ф. Энгельс, касаясь подхода К. Маркса, разъяснял: «При суждении о событиях и цепи событий текущей истории никогда не удастся дойти до *конечных* экономических причин. <...> Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал. <...> Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится здесь ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к *борьбе интересов* (курсив наш. – В. Б.) наличных общественных классов и

фракций классов, созданных экономическим развитием, а отдельные политические партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и их фракций» [12, с. 529–530].

К сожалению, редко встречаются исследования, учитывающие поучительные уроки прошлого. В моде замалчивание марксистской концепции материалистического понимания истории, безосновательная критика, устремленная против сторонников этой концепции. Не лучше обстоят дела и в образовательной практике.

Системный мировоззренческий кризис, в котором оказалась вся социально-гуманитарная сфера, неразрывно связан с отказом интеллектуальной элиты от еще недавно господствовавших в обществе гуманистических ценностей. Но свершившаяся переориентация на догмы отжившего свой век позитивизма (в разных его проявлениях) себя не оправдала. Приходит осознание того, что в рамках этих догм нынешняя так называемая трансформационная фаза развития общества не поддается теоретическому освоению и «представляет для ученых историческую загадку» [13, с. 60].

Для управления социальными процессами нужна твердая научная основа. Принцип деятельности может выступать в качестве надежного и эффективного инструмента ее создания. Категории цели, средства и результата, оцениваемые с точки зрения их достаточности и необходимости, суть узловые моменты этого процесса. На специфически социальном уровне управления эти категории находят свое продолжение и конкретизацию во множестве форм и понятий, среди которых роль ведущего и определяющего исполняет понятие интереса. Логика принципа деятельности является, таким образом, прикладной, содержательной логикой.

Библиографические ссылки

1. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 12.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1958.
2. Князев СН. *Управление: искусство, наука, практика.* Минск: Армита – Маркетинг, Менеджмент; 2002.
3. Шульга ЕН, составитель. *Философское сознание: драматизм обновления.* Москва: Издательство политической литературы; 1991.
4. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 20.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961.
5. Войшвилло ЕК. *Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ.* Москва: Издательство МГУ; 1989.
6. Константинов ФВ, редактор. *Философская энциклопедия. Том 5.* Москва: Советская энциклопедия; 1970.
7. Поппер К. *Предположения и опровержения. Рост научного знания.* Москва: АСТ; 2004.
8. Поппер К. *Открытое общество и его враги. Том 2.* Москва: Культурная инициатива; 1992. Совместное издание с «Феникс».
9. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 23.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1960.
10. Здравомыслов АГ. *Потребности. Интересы. Ценности.* Москва: Политиздат; 1986.
11. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 23.* Москва: Издательство политической литературы; 1976.
12. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 22.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1956.
13. Гуторов ВА, Тарасов ИН. Посткоммунизм в институциональном, идеологическом и коммуникативном измерениях: критические заметки. Часть 1. *Полис. Политические исследования.* 2018;3:60–77. DOI: 10/17976/JPPPS12018.05.

References

1. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 12* [Writings. Volume 12]. 2nd edition. Moscow, 1958. Russian.
2. Knyazev SN. *Upravlenie: iskusstvo, nauka, praktika* [Management: art, science, practice]. Minsk: Armita – Marketing, Menedzhment; 2002. Russian.
3. Shulga EN, compiler. *Filosofskoe soznanie: dramatism obnoveniya* [Philosophical consciousness: the drama of renewal]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1991. Russian.
4. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 20* [Writings. Volume 20]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. Russian.
5. Voishvillo EK. *Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskii analiz* [Concept as a form of thinking: logical-gnoseological analysis]. Moscow: Publishing House of Lomonosov Moscow State University; 1989. Russian.
6. Konstantinov FV, editor. *Filosofskaya entsiklopediya. Tom 5* [Philosophical encyclopedia. Volume 5]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1970. Russian.
7. Popper K. *Predpolozheniya i oproverzheniya. Rost nauchnogo znaniya* [Conjectures and refutations. The growth of scientific knowledge]. Moscow: AST; 2004. Russian.
8. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Tom 2* [The open society and its enemies. Volume 2]. Moscow: Kul'turnaya initsiativa; 1992. Co-edition by the «Feniks».
9. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 23* [Writings. Volume 23]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1960. Russian.
10. Zdravomyslov AG. *Potrebnosti. Interesy. Tsennosti* [Needs. Interests. Values]. Moscow: Politizdat; 1986. Russian.
11. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 23* [Complete Set of Works. Volume 23]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1976. Russian.
12. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 22* [Writings. Volume 22]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1956. Russian.
13. Gutorov VA, Tarasov IN. Post-communism in institutional, ideological and communicative dimensions: critical notes. Part 1. *Polis. Political Studies*. 2018;3:60–77. Russian. DOI: 10/17976/JPPPS12018.05.

Статья поступила в редколлегию 03.08.2018.
Received by editorial board 03.08.2018.